

Отзыв официального оппонента
о диссертации Гудина Дениса Сергеевича
«ПОЭТИКА РОМАННОЙ ПРОЗЫ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА»,
представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Представляемая диссертация обращается к творчеству одного из самых известных, самых премируемых и переводимых современных прозаиков, неоспоримого лидера русской романистики 2010-х годов – Е.Г. Водолазкина. Проза Водолазкина, с одной стороны, привлекает к себе огромное внимание исследователей (чему доказательством служит хотя бы приведенная в диссертации многостраничная библиография работ, посвященных Водолазкину), но, с другой, поскольку Водолазкин продолжает публиковать все новые художественные тексты, изучение принципов его поэтики, его творческой вселенной не только не теряет своей значимости, но и все настоятельней требует детального научного осмысления. С пониманием отнесемся к тем временным рамкам, которые определены в диссертации и фактически оставляют в ее фокусе только четыре романа прошлого десятилетия («Лавр», «Авиатор», «Брисбен», «Оправдание Острова»): поэтика ранних романов «Похищение Европы» и «Соловьев и Ларионов» – первый этап формирования творческого почерка автора, поиска приемов и способов повествования, а «Чагин», вышедший в 2022 году, во многом подтверждает верность наблюдений и обоснованность научных положений данной диссертации.

Актуальность работы, таким образом, напрямую связана с задачей выявить ключевые, определяющие для поэтики романистики Водолазкина черты: принципы построения хронотопа (концепции времени и пространства), мифопоэтические и нарративные особенности, которые, варьируясь от романа к роману, в совокупности складываются в единую «узнаваемую» эстетическую

систему, ту творческую манеру Водолазкина, за которую он любим читателями, интересен исследователям как продолжатель классической традиции и в то же время – как неомодернист, переосмысливший наследие русской и зарубежной культуры Средневековья и Нового времени.

Новизна работы непосредственно вытекает из рассматриваемого материала: научная рецепция романов «Брисбен» и «Оправдание Острова» пока существенно уступает количеству и качеству сказанного о «Лавре» и «Авиаторе», но именно эти романы позволяют говорить о сформированности отличительных характерологических принципов поэтики, даже, как выражается диссертант, назвать их романским тетраптихом (С. 10), объединенным как сквозными лейтмотивами и мифологемами (растительные и орнитологические образы, пространственные образы, образ кладбища, мифологема русалки-утопленницы), так и общностью аксиологических установок и подходов к пониманию исторического процесса, смысла жизни, обратимости смерти и поиска бессмертия.

Диссертацию отличает научно-методологическая обстоятельность: Д.С. Гудин суммировал едва ли не все значимые исследования о романистике Водолазкина, и, что следует подчеркнуть особо, встроил собственное исследование в уже сложившуюся исследовательскую парадигму. Отметим, что диссертант не стремится заново поднять вопрос о стилистической принадлежности творчества Водолазкина, разделяя уже неоднократно обоснованную атрибуцию Водолазкина как неомодерниста, а занимается менее отрефлексированными проблемами художественного мировидения писателя, по сути, впервые вычлняя и описывая мотивные и мифопоэтические комплексы в романистике Водолазкина 2010-х годов как единую динамическую структуру.

Первая глава работы «Архитектура пространства-времени в творчестве Е.Г. Водолазкина» посвящена изучению краеугольных основ поэтики рассматриваемого автора: амбивалентной, линейно-циклической концепции времени, опирающейся как на средневековые религиозные верования, так и на

свойственное модернистам представление о спиралевидности времени («линейное, нулевое, параллельное, циклическое или как частная разновидность последней модели – время спиралевидное», С. 32); магистральным пространственным координатам романов Водолазкина, из которых Д.С. Гудин совершенно справедливо выделяет сложносоставной топос Дома-Кладбища; а также такой выразительной и очень характерной стратегии построения повествования у Водолазкина, как кинематографичность, которую можно напрямую связать с хронотопическими закономерностями прозы Водолазкина с ее обязательным монтажом нескольких пространственно-временных линий действия, постоянными экфрасисами (к ним безусловно относятся описания музыкально-концертных номеров в «Брисбене», снимаемого фильма, храмов, летописей как исторических артефактов в «Оправдании Острова» и т.д.), чередованием повествователей и способов повествования («игры планов», как ее понимает, в частности, Ю.М. Лотман в «Структуре художественного текста»).

На примере разбора топоса Дома-Кладбища Д.С. Гудиным продемонстрирована общность пространственных моделей в прозе Водолазкина. Диссертант доказал, что топос кладбища как, с одной стороны, места смерти, непригодного для живых и противоположного дому, а, с другой, как символа бессмертия, перерождения, взросления героя свойствен всем упомянутым в исследовании романам, являясь одной из констант поэтики, но при этом в конкретных текстах появляясь под разными обличьями, существенно расширяющими образно-семантический потенциал топоса Дома и, добавим от себя, смыкающимися с принципиальным для творчества А.П. Платонова, основанном на философии Н.Ф. Федорова, концептом земли как могилы-утробы, творчески переосмысленным Водолазкинским: «Кладбище предстаёт в трёх ипостасях: во-первых, как мифологическое пространство-междумирие (интерпространство), во-вторых, как место памяти, в-третьих, как пространство диалога. Герои романов стремятся преодолеть разрывы – временные, коммеморативные, культурные, коммуникационные, личностные и

др., и в этом им способствует кладбищенская топка. Кладбище – это топос объединения, общения, сопричастности» (С. 79). Не менее удачными и содержательными кажутся нам рассуждения диссертанта о двойничестве пространства в романах Водолазкина, которые перекликаются и со многомерной концепцией времени, и с системой персонажей-двойников, характерных для поэтики Водолазкина: «Водолазкин наполняет художественную систему романов пространствами-двойниками. Выше мы писали о том, что это могут быть как синонимичные топосы (например, избя травника и пещера старца в романе «Лавр»), так и пространства-антиподы (дом – ложный дом, кладбище – скудельница). В «Авиаторе» главным опозитом Петербурга выступают Соловки, где в лагере особого назначения (СЛОН) отбывает наказание герой» (С. 70).

Вторая глава «Миф и мифологическая эмблематика в творчестве Е.Г. Водолазкина» демонстрирует одновременно две принципиальные особенности диссертации. С одной стороны, Д.С. Гудин выстраивает теоретико-методологические рассуждения, привлекая широкий литературный контекст, в какой-то степени подменяя этим контекстом более привычный для диссертационного жанра историко-генетический обзор научных интерпретаций той или иной литературоведческой категории. Так, уже в первой главе параграф с не совсем уместным в научной работе метафорическим заглавием «“Пространство разрыва” как метафора тотального кризиса» открывается по ускользнувшей от нас логике обзором романов Ли Бардуго и Павла Крусанова (С. 36-43), а начало второй главы повествует о постмодернистской деконструкции в творчестве В. Пелевина, В. Сорокина, У. Эко, дополненной упоминанием неомифологизма в романистике А. Кима и М. Шишкина. С нашей точки зрения, в обоих случаях выбор авторов для обзора и сопоставления не прозрачен и концептуально не мотивирован. Они, безусловно, создают определенный литературный фон и очень отдаленно могут свидетельствовать о культурном контексте водолазкинской прозы, изучение которого темой исследования, в принципе, не

предполагается, но, по нашему мнению, не могут заменить четкого определения сущности и генезиса неомифологизма, отсутствующего в диссертации.

С другой стороны, Д.С. Гудин развертывает совершенно блестящий, убедительный, научно-состоятельный анализ растительных и птичьих мифопоэтических образов, образа утопленницы и образа преступника («кающегося праведника», «несвятого святого»), которые, взятые вместе, действительно указывают на разветвленные межтекстовые связи, на «метароманное единство» (С.106) романистики Водолазкина 2010-х годов. Крайне высоко мы оцениваем предложенную диссертантом трактовку эволюции растительных мифологем в «Лавре»: помимо заглавного образа, диссертант выделяет образ сосны как составной части Животворящего Креста Господня, соединяя тем самым аксиологически значимые для романа мифологемы Мирового древа и восьмиконечного Креста (Животворящего Древа (С. 105)). Не менее убедительно выглядит и анализ орнитологических мифологем, которые, по мысли диссертанта, образуют общий орнитологический код, характерный для всех указанных романов, мифопоэтически обогащающий образы ключевых персонажей, уточняющий внутренние сюжеты романов и в конечном счете свидетельствующий о присутствии романистике Водолазкина диалоге с культурной традицией: «Фундаментом птичьей образности становятся фольклорные и литературные тексты, средневековые апокрифы, а также музыкальные произведения и балетные номера» (С. 146). Заметим, что мифологически-орнитологические мотивы развиваются Водолазкинским и в новом романе «Чагин», например, в образе девушки Ники, чье имя недвусмысленно отсылает к одноименной крылатой греческой богине.

Отдельного упоминания заслуживают предложенные в работе параллели или сравнительно-сопоставительный анализ «Лавра» с поэмой У. Шекспира «Голубь и Феникс» (в старом переводе «Феникс и Голубка») и романом П. Зюскинда «Парфюмер». В случае с «Парфюмером» как своего рода

эталонным образцом исторического постмодернистского романа (наравне с «Именем розы» У. Эко) отмеченные Д.С. Гудиным сходства сюжетов и ситуаций вполне могут претендовать на статус научного открытия, поскольку Е.Г. Водолазкин в своих произведениях демонстрирует отличное знание современных литературных тенденций, которые писатель развивает или же с которыми, как в случае с «Парфюмером», полемизирует. Что же до шекспировской поэмы, ставшей относительно известной благодаря во многом спекулятивному, не признанному научным сообществом, но довольно яркому труду И.М. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса», то и гилиловскую, и во многом базирующуюся на ней представленную в диссертации трактовку поэмы мы не назвали бы ни среди источников, ни среди полемических адресатов текста «Лавра» из-за слишком очевидной временной, смысловой и культурной отдаленности.

При этом мы подчеркиваем, что как эти, так и высказанные ранее критические соображения сделаны нами не в жанре замечаний, а в рамках научной дискуссии, которая неизбежно возникает вокруг ярких, содержательных и новаторских работ и которая сама по себе свидетельствует о вызванном работой интересе и о ее научной состоятельности и не влияет на общую высокую оценку диссертации Д.С. Гудина. Собственно замечаний у нас немного, они носят формальный характер. Так, отметим, что, на наш взгляд, работа только бы выиграла, если бы в ней присутствовали поглавные выводы, хотя заключение работы в достаточной мере суммирует все наблюдения и подтверждает научные положения работы. Вызывает вопросы и трактовка «вины» Платонова в «Авиаторе» через сопоставление с героями русской литературы XIX века: «Вина Платонова сложнее, чем просто вина убийцы. Эта коллективная вина, возложенная на одного человека, – за век и веру, за поколение интеллигенции, за русскую литературу и за всё уже случившееся до него. Платонов расплачивается не столько за свои грехи, сколько за грехи свидригайловых, раскольниковых и ставрогиных, так что это вина за трагическую русскость вообще» (С. 131), которое носит скорее эмоционально-

обобщающий, чем аналитический характер. Со всем тем мы понимаем, что подобных фраз и формулировок не всегда удастся избежать в гуманитарном дискурсе.

Подводя итоги нашему отзыву, резюмируем: представляемая диссертация обладает несомненными актуальностью и новизной, доказательной научной концепцией, раскрытой в обоснованных научных положениях, выводы исследования подтверждаются развернутым и убедительным анализом романистики Е.Г. Водолазкина. Работа прошла необходимую апробацию, автореферат и 12 публикаций, 4 из которых напечатаны в изданиях «ваковского списка», со всей полнотой отражают ее основное содержание. Таким образом, диссертационное исследование «Поэтика романной прозы Е.Г. Водолазкина» полностью соответствует квалификационным признакам, определенным пунктами 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Денис Сергеевич Гудин, заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук по специальности 10.01.01– русская литература, профессор профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

20.05.2023

Солдаткина Янина Викторовна

Солдаткина Янина Викторовна
Московский педагогический государственный университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Тел. 8-499-2465712
E-mail: yav.soldatkina@mpgu.su, mail@mpgu.su
<http://www.mpgu.su/>

Я. В. Солдаткиной
УДОСТОВЕРЯЮ

Зам. начальника
Управления
делами

7
С.С. Яковлев